

Гегелевская философия гражданского права

Рыженков А.Я.,

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права

Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова

Аннотация. Статья посвящена осмыслению гражданского права в философской теории Г.В.Ф. Гегеля. Выделяются и характеризуются идеи мыслителя, касающиеся природы частного права, структуры отношений владения и собственности, основной юридической обязанности гражданско-правового договора.

Ключевые слова: философия, право, воля, владение, собственность, обязательство, договор.

«Хотя мировая литература о Гегеле весьма обширна, однако исследования гегелевской проблематики, в том числе и политико-правовой, зачастую носят фрагментарный характер, — отмечал ведущий российский специалист по философии права Гегеля академик РАН В.С. Нерсесянц. — В огромном потоке публикаций о Гегеле все еще мало обобщающих и комплексных работ по тому или иному профилю исследований гегелевской темы. Так, в литературе о Гегеле отсутствует тематически и логически целостное исследование гегелеведческой проблематики политико-правового профиля¹. Эти слова в полной мере относятся и к научному осмыслению философских представлений Гегеля о гражданском праве.

Характерно, что познавательный интерес к гражданско-правовым вопросам не только неизменно сохранялся, но даже возрастал у Г.В.Ф. Гегеля на всех этапах его философского творчества, что отразилось, например, в таких текстах, как рукопись «Система нравственности» (1802–1803), лекционный курс «Иенская реальная философия» (1805–1806)², «Философия духа» (третья часть «Энциклопедии философских наук») (1817) и, наконец, было подытожено в его крупном обобщающем труде «Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права» (1820), традиционно более известном в России под сокращенным названием «Философия права»³.

Это свидетельствует о том, что в своей исключительно масштабной, всеобъемлющей философской системе Гегель всегда находил для гражданского права весьма существенное место. Более того, ряд гражданско-правовых феноменов рассматривался им в качестве универсалий человеческого бытия и необходимых условий реализации человеком своей родовой сущности.

При этом в первую очередь необходимо пояснить, в каком соотношении находятся гегелевские философско-правовые конструкции с реально действующим позитивным правом (гражданским законодательством). Отношение это отличается двойственностью.

С одной стороны, Гегель всегда настаивает на том, что подлинное философское исследование не может быть утопичным, а напротив, должно опираться на существующие нормативные установления общества, поскольку «истина о праве, нравственности, государстве столь же стара, сколь открыто дана в публичных законах, публичной морали, религии и общеизвестна»⁴. Как поясняет эту идею Н.М. Коркунов, «Гегель исходит тут из того основного положения, что задачей философии права или естественного права не может быть отыскание идеального права, которое бы должно было собою заменить действительно существующее право. Он не признает, подобно последователям Канта, различия положительного права и права разума»⁵.

С другой стороны, о несводимости гражданско-правовых институтов, прежде всего собственности и договора, к тем нормам, которые содержатся в законах государства, говорит сама систематика гегелевской философии права: в рамках нее идея права рассматривается на трех ступенях своего развития, а каждая из них, в свою очередь, состоит из трех частей; при этом собственность и договор образуют соответственно первый и второй из этих девяти элементов, а законодательство государства появляется лишь в разделах «Гражданское общество» и «Государство», т.е. относится к восьмому и девятому элементам идеи права, входит в состав ее высшей ступени — нравственности.

При этом позитивное право может предусматривать такие нормы, которые, по Гегелю, не соответствуют подлинной природе таких явлений, как собственность и договор: например, хотя в действительности договор должен вступать в силу с момента волеизъявления, в гражданском

¹ Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998. С. 5.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 285–386.

³ См., напр.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 159–245; Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. СПб., 2010.

⁴ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 46.

⁵ Коркунов Н.М. История философии права. М., 2011. С. 316.

законодательстве существуют «реальные» договоры, действие которых связывается с началом их выполнения; однако этот законодательный институт не меняет сути договора и, как пишет Гегель, «к делу не относится»⁶.

Реально действующее позитивное право не полностью отражает идею права в целом и его отдельных ступеней: «возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть, между в себе и для себя сущим правом, остающимся неизменным, и произвольным определением того, что есть право»⁷.

Таким образом, вполне обоснован вывод, сделанный выдающимся исследователем творчества Гегеля И.А. Ильиным: право в гегелевском понимании — это не набор норм, установленных государством, и вообще не столько норма, сколько состояние человеческого духа; «*право есть правое существование воли, правильный способ ее жизни, или правильное состояние человеческой души*»⁸.

Из сказанного не совсем верно было бы делать вывод, будто гегелевское учение представляет собой какую-то разновидность естественно-правовой теории. Роднит их, безусловно, поиск объективных оснований права, не зависящих от произвола законодателя. Вместе с тем Гегель не раз высказывал скепсис в отношении идеи «естественного права», прежде всего из-за свойственных ей смысловых оттенков «природности». Но ничего собственно природного, по его мнению, в сфере права нет: «На деле, однако, право и все его определения основываются исключительно на *свободной личности, на самоопределении, являющемся скорее противоположностью природного определения*»⁹.

Как отмечает по этому же поводу Г.А. Гаджиев, если у Гегеля и встречается в ряде случаев понятие естественного права, то «происходит только использование привычного для читателя термина, однако его смысл у автора иной: он не намекает на некий естественно-природный генезис этого права — оно продукт человека, а не природы. Естественно оно только потому, что определяется природой самого предмета, т.е. понятием, а это свободная воля»¹⁰.

Таким образом, гегелевская идея права представляет собой результат философского анализа существующего позитивного права (законодательства), отличающего постоянное и необходимое от временного и случайного: «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим

занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело лишь с противоречиями»¹¹.

Центральной категорией гражданско-правового учения Гегеля, безусловно, является понятие «воля». Без преувеличения, именно Гегель должен считаться основоположником волевой теории гражданского права, имеющей огромное влияние, в том числе на отечественную цивилистическую традицию.

Понятие воли в философско-правовом учении Гегеля раскрывается многократно и наделяется следующими характеристиками:

- воля — это практическое отношение;
- воля — это мышление, перемещающее себя в наличное бытие;
- воля — это самоопределение «я» и др.¹²

Отнесение гражданско-правовых институтов собственности и договора к сфере так называемого «абстрактного права» с его основным принципом: «будь лицом и уважай других в качестве лиц»¹³, — прежде всего ставит вопрос о гражданско-правовом равенстве. С одной стороны, поскольку лицо есть нечто абстрактное и отвлеченное, лишенное индивидуальных качеств, то лица принципиально друг от друга неотличимы и вступают в отношения между собой как тождественные субъекты.

С другой стороны, этот на первый взгляд аксиоматичный принцип серьезно ставится под вопрос другой гегелевской идеей — о необходимом характере отношений господства и рабства. Гегель убежден, что именно они являются основой любого общества: «там, где имеется множество индивидуумов, налицо отношение их, и это отношение есть господство и рабство...»¹⁴.

Противоречие между равенством, вытекающим из полного правового тождества лиц, и объективно существующими отношениями господства-рабства можно разрешить по меньшей мере двумя путями:

- во-первых, признать, что господство и рабство никак не проявляются в сфере «абстрактного права», иначе говоря, что господин и раб в отношениях собственности и договора являются равными;
- во-вторых, считать, что само «абстрактное право» может возникать только внутри одной из этих групп — либо только между господами, либо только между рабами (разумеется, если исходить из того, что рабы вообще обладают гражданской правоспособностью).

В рамках марксистской интерпретации было принято связывать гегелевскую концепцию «абстрактного права» со структурой буржуазных

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 306.

⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977. С. 334.

¹⁰ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 61.

¹¹ Гегель. Философия права. С. 57–58.

¹² См.: там же. С. 67–73.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Гегель. Система нравственности // Политические произведения. М., 1978. С. 305.

правоотношений: «Его понятие абстрактного права было абстрактным понятием основного типа правоотношений, свойственных буржуазному обществу, как волевого отношения между двумя товаровладельцами, признающими друг в друге частных собственников»¹⁵.

Фундаментальным и одновременно элементарным, первичным началом «абстрактного права», согласно Гегелю, является собственность. В рукописных заметках Гегеля говорится еще более определенно: «Право в своей непосредственности суть собственность»¹⁶. Ее существование обусловлено прежде всего тем, что воля человека по своей природе безгранична и склонна к экспансии, т.е. к постоянному расширенному распространению на все доступные предметы внешнего мира.

Прагматическая функция (т.е. личная и общественная полезность) собственности является лишь вторичной по сравнению с ее антропологическим значением: «Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности»¹⁷.

Поскольку вещь не наделена волей и не может сопротивляться произволу человека, она изначально предназначена для того, чтобы быть присвоенной; отсюда гегелевский принцип всеобщности присвоения: «Все вещи могут стать собственностью человека, поскольку он есть свободная воля и в качестве такового есть в себе и для себя, противостоящее же ему этим свойством не обладает. Следовательно, каждый имеет право сделать свою волю вещью или вещь своей волей, другими словами, снять вещь и переделать ее в свою, ибо вещь как внешнее не имеет самоцели, не есть бесконечное соотношение с самой собой, а есть нечто внешнее самой себе. Подобное же внешнее представляет собой и живое существо (животное) и тем самым само есть вещь»¹⁸.

Поскольку воля в гегелевском учении является индивидуальной, а не коллективной, из этого вытекает то привилегированное значение, которое придается им частной собственности по сравнению с другими ее формами: «Так как я даю моей воле наличное бытие через собственность, то собственность также должна быть определена как эта, моя. В этом состоит важное учение о необходимости *частной собственности*»¹⁹.

Общая собственность представляется поэтому чем-то вторичным, производным в силу своей «расторжимости», т.е. возможности прекратить ее по индивидуальному произволению. Приме-

нительно к римским аграрным законам Гегель прямо заявляет, что частная собственность представляет собой более разумное явление, чем собственность общая.

При этом, впрочем, Гегель подчеркивает, что частная собственность может занимать в обществе и подчиненное положение, если только это необходимо разумно устроенному государственному организму²⁰. Государство, как более высокая ступень идеи права, имеет приоритет над собственностью.

Возможность существования корпоративной собственности Гегелем специально не рассматривается, а сами идейные установки, которые могли бы стать основаниями для решения этой проблемы, в гегелевской философии права весьма противоречивы. С одной стороны, корпорация вместе с полицией относятся к третьей, высшей ступени развития права — нравственности, а точнее, к сфере гражданского общества, причем «*наряду с семьей корпорация составляет второй существующий в гражданском обществе нравственный корень государства*»²¹. С другой стороны, полноправного субъекта собственности Гегель в корпорации не видит, замечая, что «общественный союз, в конце концов, не имеет такого права на собственность, как отдельное лицо»²².

Осуществление идеи собственности, по Гегелю, имеет четыре основные формы:

- 1) внутренний акт воли, или «помещение своей воли в вещь» (в этом для Гегеля уже заключено «понятие собственности»);
- 2) вступление во владение (так, физический захват, по Гегелю, «наиболее совершенный» способ завладения, поскольку в нем субъект присутствует непосредственно и его воля явлена наиболее открытым способом);
- 3) потребление (осуществление назначения вещи путем ее уничтожения, изменения или поглощения);
- 4) отчуждение собственности, которое происходит в двух формах:
 - как простой отказ от вещи (например, ее превращение в бесхозную через давность);
 - как передача ее во владение другому лицу. При этом возможна ситуация, когда собственник вещи не имеет права ее отчуждать, в этом случае, по объяснениям Гегеля, собственник вещи не является собственником ее ценности (примерами могут служить лены или фидеикомиссы); впрочем, данные ограничения не соответствуют природе собственности и поэтому должны исчезнуть²³.

¹⁵ Пионтковский А.А. «Философия права» Гегеля и марксизм // Философия Гегеля и современность / Отв. ред. Л.Н. Суворов. М., 1973. С. 239.

¹⁶ Собственноручные замечания Г.В.Ф. Гегеля на полях своей рукописи «Философия права». Белгород, 2001. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 103.

¹⁹ Там же. С. 105.

²⁰ См.: там же. С. 105.

²¹ Там же. С. 277.

²² Там же. С. 105.

²³ См.: там же. С. 119–120.

Исходя из этого, такой институт гражданского права как договор является прямым продолжением, логическим следствием и выражением идеи собственности.

Несмотря на то, что природа договора, как и собственности, и всех остальных правовых явлений, для Гегеля сводится к воле, этот общий принцип в данном случае определенным образом корректируется. Так, если бы договор был тождествен волеизъявлению, то можно было бы предположить, что сила договора уже содержится в таком акте, как обещание. Действительно, ведь обещание само по себе представляет собой не только сформированную, но даже открыто выраженную волю. Однако Гегель принципиально отличает обещание от договора: «Различие между простым обещанием и договором заключается в том, что при обещании то, что я хочу подарить, сделать, выполнить, выражено как относящееся к *будущему* и остается еще субъективным определением моей воли, которое я поэтому могу еще изменить»²⁴.

Во-первых, в договоре присутствует не только волеизъявление, направленное на переход вещи, но и еще один, не столь явный, но не менее важный акт, а именно взаимное признание сторон в качестве субъектов права: «Договор предполагает, что вступающие в него *признают* друг друга лицами и собственниками; так как он есть отношение объективного духа, то момент признания в нем уже содержится и предполагается»²⁵.

Во-вторых, хотя согласование воли и остается основным содержанием договора, он с необходимостью включает в себя внешнюю знаково-символическую и процедурную формализацию; отсюда следует принципиальный гегелевский вывод о самостоятельном значении процедуры стипуляции.

Как известно, стипуляция — это институт римского частного права, представляющий собой особую строгую коммуникативную формулу в виде устного вопроса-ответа, используемую для заключения сделки и возникновения или преобразования обязательства: кредитор спрашивал: «не обещаешь ли дать мне столько-то?..», на что должник отвечал: «обещаю» («*spondeo*»)»²⁶.

Для Гегеля стипуляция является наилучшим примером того, как соглашению сторон придается новое качество («особое наличное бытие») путем совершения набора символически-ритуальных действий, включая как жестовые, так и речевые. Такая формализация есть условие юридической полноценности договора: «стипуляция

договора уже сама есть *наличное бытие* решения моей воли в том смысле, что я отчуждаю мою вещь, что она уже *теперь* перестала быть моей собственностью и я уже признаю ее собственностью другого»²⁷.

Связь между формальной и фактической стороной правоотношений, которая уже в ранее приведенном гегелевском описании собственности выглядела несколько ослабленной, применительно к договору практически лишается своего значения: «*Наличное бытие*, которое *воля* имеет в формальности жеста или в для себя определенной речи, есть уже ее — как интеллектуальной воли — полное наличное бытие, по отношению к которому выполнение является лишенным самости следствием»²⁸.

Договор, иначе говоря, надо считать уже вполне состоявшимся, когда две индивидуальные воли пришли между собой в резонанс и нашли для этого адекватное формально-символическое выражение, момент же реального выполнения договора, важный лишь с практической точки зрения, юридически — по крайней мере, с точки зрения сущности договора, — оказывается чем-то несущественным. Непосредственный последователь Гегеля Б.Н. Чичерин поясняет это следующим образом: «Существенным моментом является здесь уговор, то есть выражение воли; исполнение же составляет только последствие этого акта, ибо через уговор предмет перестал уже быть собственностью одного и сделался собственностью другого»²⁹. Именно поэтому так называемые «реальные контракты», которые считаются вступившими в силу только с момента начала их исполнения (как, например, договоры, которые считаются заключенными с момента передачи имущества в силу п. 2 ст. 433 ГК РФ), рассматриваются Гегелем лишь в качестве недоразумения.

Итак, даже самый общий и краткий очерк философских представлений Гегеля о гражданском праве показывает следующее.

1. По своему методу и манере это учение всегда строится на аналитической обработке и интерпретации эмпирического правового материала, но не ограничивается его простым описанием или даже обобщением, а всегда предполагает его глубинную антропологическую оценку: по словам И.А. Ильина, «Гегель всегда имеет в виду не “право”, а “*правое состояние воли*”; и не “правовой институт”, а “*деяние и состояние воли, освобождающейся во внешней жизни и углубляющейся внутренне*». Гегель ставит один и тот же вопрос применительно к каждому правовому состоянию: *правый ли это status воли?*»³⁰.

²⁴ Там же. С. 133.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ См., напр.: Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М., 1883. С. 200; Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 390–392; Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения). М., 1989. С. 301.

²⁷ Гегель. Философия права. С. 133.

²⁸ Там же. С. 133.

²⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. С. 253.

³⁰ Ильин И.А. Указ. соч. С. 319.

2. В этом смысле гегелевский подход дает потенциально сильные инструменты не только познания, но и критики, и совершенствования гражданского законодательства — если принимать в качестве критерия не столько его социальную или экономическую эффективность, сколько рациональность.

3. По своим исходным установкам гегелевская философия гражданского права носит ярко выраженный индивидуалистический характер; институты собственности и договора осознаются им как формы выражения и согласования отдельных волей (что проявляется, например, в утверждении приоритета частной собственности и в отрицании права собственности «общественных союзов»).

4. Вместе с тем Гегель, считая высшей формой развития правовой идеи государство, признает возможным и необходимым вмешательство государства в отношения, строящиеся на основе «абстрактного права», и изменение абстрактно-правовых основ человеческого взаимодействия с учетом надобностей государственной организации общества уже не как суммы индивидов, а как качественно нового целого.

5. Чрезвычайно продуктивен найденный и обоснованный Гегелем при философском исследовании таких гражданско-правовых явлений, как собственность и договор, принцип сбалансированности двух начал: внутреннего (психологического) и внешнего (формалистического), — что выражается в сочетании соответственно волевого фактора и речевых формул (например, при стипуляции), —

однако момент фактического поведения субъектов права во всех случаях сохраняет лишь сугубо второстепенное правовое значение.

Список литературы

1. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения). М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
2. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: ИНФРА М; Норма, 2013. 320 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 285–386.
4. Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
5. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. 528 с.
6. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 472 с.
7. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 540 с.
8. Коркунов Н.М. История философии права. М.: КРАСАНД, 2011. 440 с.
9. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1883. 742 с.
10. Нерсисянц В.С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998. 352 с.
11. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М.: Университетская типография на Страсном бульваре, 1901. 248 с.
12. Пионтовский А.А. «Философия права» Гегеля и марксизм // Философия Гегеля и современность / Отв. ред. Л.Н. Суворов. М.: Мысль, 1973. С. 225–243.
13. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. 552 с.
14. Собственноручные замечания Г.В.Ф. Гегеля на полях своей рукописи «Философия права» / Сост. Ю.Ю. Вейнгольд. Белгород: Крестьянское дело, 2001. 152 с.
15. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 784 с.

Hegel's Philosophy of Civil Law

Ryjenkov A. Ya.,

Doctor of Law,

Professor of the Civil Law Department

of the Kalmyk State University named B.B. Gorodovikov

Abstract. The article is devoted to the understanding of civil law in philosophical theories of Hegel. The ideas of a thinker about the nature of private law, the structure of relations of ownership and property, grounds for legally binding civil contract are identified and described.

Keywords: philosophy, law, will, possession, ownership, commitment, contract.

References

1. Bartoshek M. Rimskoe pravo (Ponyatiya, terminy, opredeleniya). M.: Yurid. lit., 1989. 448 s.
2. Gadzhiev G.A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti). M.: INFRA M; Norma, 2013. 320 s.
3. Gegel' G.V.F. Ienskaya real'naya filosofiya // Raboty raznykh let: v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1970. S. 285–386.
4. Gegel'. Politicheskie proizvedeniya. M.: Nauka, 1978. 438 s.
5. Gegel'. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 528 s.
6. Gegel'. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha. M.: Mysl', 1977. 472 s.
7. Il'in I.A. Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretности Boga i cheloveka. SPb.: Nauka, 1994. 540 s.
8. Korkunov N.M. Istoriya filosofii prava. M.: KRASAND, 2011. 440 s.
9. Muromtsev S.A. Grazhdanskoe pravo drevnogo Rima. M.: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1883. 742 s.
10. Nersesyants V.S. Filosofiya prava Gegelya. M.: Yurist", 1998. 352 s.
11. Novgorodtsev P.I. Kant i Gegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve. Dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava. M.: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare, 1901. 248 s.
12. Piontkovskiy A.A. «Filosofiya prava» Gegelya i marksizm // Filosofiya Gegelya i sovremennost' / Отв. ред. Л.Н. Суворов. М.: Mysl', 1973. S. 225–243.
13. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava. SPb.: Izdatel'sko-torgovyy dom «Letniy sad», 1998. 552 s.
14. Sobstvennoruchnye zamechaniya G.V.F. Gegelya na polyakh svoey rukopisi «Filosofiya prava» / Sost. Yu.Yu. Veyngol'd. Belgorod: Krest'yanskoe delo, 2001. 152 s.
15. Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh ucheniy. T. 3. SPb.: Izd-vo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2010. 784 s.